

КОМПОНЕНТ *КРЫША* В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Н. С. Протасеня

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nlnaprotasenya@gmail.com

В статье отражены результаты лингвокультурологического анализа роли компонента *крыша* в семантической структуре русских, белорусских и китайских фразеологических единиц, репрезентирующих архитектурный код культуры. На основе актуальной семантики фразеологизмов определены культурно значимые смыслы единицы «крыша».

Ключевые слова: фразеологические единицы; семантика; архитектурный код культуры; крыша.

Фразеологические единицы как вербальные знаки культуры – один из важнейших объектов изучения в лингвокультурологии с самого начала ее становления (ср. работы В. Н. Телия, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, М. Л. Ковшовой и других исследователей конца XX – начала XXI вв.).

Ключевым звеном культурной интерпретации фразеологизма является соотнесение его слов-компонентов с кодами культуры, поскольку именно эта процедура позволяет объяснить особую функцию фразеологизма как знака языка и культуры – воплощать в себе и транслировать символичные смыслы, эталонные и стереотипные представления. По мнению М. Л. Ковшовой, «интерпретация слов-компонентов фразеологизма как культурных знаков обоснована их культурной значимостью в том или ином тематическом коде культуры, где данные слова-компоненты раскрывают свой культурный смысл» [1, с. 175].

Архитектурный код включает в себя имена строений и их частей, несущие функционально значимые для культуры смыслы. В данной статье объектом исследования являются фразеологические единицы, содержащие лексемы *крыша/кровля/дах/страха/屋/房顶*. Сопоставительный анализ фразеологизмов трех языков позволяет выделить общие и отличительные культураносные смыслы компонента *крыша*. Источниками языкового материала послужили «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. А. Н. Тихонова [2], «Большой словарь русских пословиц» под ред. В. М. Мокиенко [3], «Большой словарь русских поговорок» под ред. В. М. Мокиенко [4], «Большой словарь русских народных сравнений» под ред. В. М. Мокиенко [5], «Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы» І. Я. Лепешава [6; 7], «Глумачальны слоўнік прыказак» І. Я. Лепешава [8], сборник «Прыказкі і прымаўкі» [9],

中华成语辞海, 主任陈霞村 («Китайский фразеологический словарь Цыхай», гл. ред. Чэнь Сяцунь) [10], 谚语大词典, 高歌东主编 («Большой словарь пословиц», гл. ред. Гао Гэдун) [11], 汉语惯用语词典, 黄斌宏主编 («Словарь привычных выражений китайского языка», гл. ред. Хуан Биньхун) [12].

Крыша как знак является одной из ключевых единиц воплощения архитектурного кода культуры в языке. В символическом плане крыша разделяет верх (небо) и низ (мир людей) [13, с. 15]. В мифологическом сознании с крышей связана идея верха (небес, головы). Крыша чаще всего осмысливается как метонимический эквивалент жилища, символизирует жизненное пространство, укрывающее и дающее безопасность обитателям дома. Данный конструктивный элемент входит в состав значительного количества русских, белорусских и китайских фразеологизмов. С их помощью носители языка описывают окружающий мир, духовные ценности, внешние характеристики и внутренние качества человека, его деятельность, психоэмоциональное состояние, взаимоотношения между людьми и др.

Образное представление пространственных отношений. Онтологические признаки крыши и ее функциональное назначение явились основанием того, что она приобрела в русской лингвокультуре знаковую пространственную маркеру дома как своего места обитания: ср. русский фразеологизм *быть (находится) под крышей (в крыше)*. В основе белорусского фразеологизма *пад богавай страхой* ‘не ў памяшканні; на свеце, у наваколлі’ лежит представление о небе как о крыше мироздания.

Образная интерпретация реалий и явлений окружающего мира. В русском и белорусском языках лексема *крыша* наряду с первичным номинативным значением ‘верхняя, покрывающая часть строения’ [14, с. 476] имеет метонимическое значение ‘дом, жилище, кров’: *крыша над головой; дах (страха) над галавой*. Свойства крыши могут быть экстраполированы на любой хороший и плохой предмет, а также использоваться в оценке ситуации: *дырявая крыша от дождя не прибежище; на хорошей крыше трава не растет; разг. коза выше крыши* ‘об очень хорошей, красивой девушке’.

В составе устойчивых сравнений русского языка компонент «крыша» выступает в роли эталона максимальной меры чего-либо: *выше крыши; играть выше крыши* ‘об очень хорошей игре в карты’; *дел у кого выше крыши*. В китайском языковом сознании расположение на крыше как верхней пространственной границе обозначает выгодное положение: *高屋建瓴* ‘занимать доминирующую позицию; неограниченные возможности’ (букв. ‘с высокой крыши опрокинуть амфору с водой’).

В русском компаративном фразеологизме *темно как под крышей* минимальная освещенность пространства под крышей является эталоном темноты.

Область духовной культуры и мировоззрения человека. Крыша может метонимически замещать дом, неся в себе те культурные значения, которые связаны с ним как с пространством обустроенным, «своим», противопоставленным «чужому». Оппозиция «свое – чужое» широко представлена в русских поговорках, участвующих в выражении нравственных ценностей и культурных установок. О приоритете своего над чужим говорится в поговорке *Крой свою крышу, а сквозь чужую не замочит*; негативная оценка вмешательства в чужое пространство отражена в поговорке *Чужую крышу кроет, а своя течет*.

Возможно и расширение пространства, близкого человеку, до оппозиции «родина – чужбина». В русской поговорке *Пока под чужой крышей не побываешь, где своя течет не узнаешь*¹ чужая крыша символизирует чужую страну. В данной поговорке отражен опыт постижения «своей» реальности через сравнение с «чужой» – опыт, который основан на расширении кругозора, познании других условий и правил жизни.

В русской поговорке *Каждому нужна своя крыша над головой* крыша метонимически замещает дом, который является одной из главных ценностей для человека, обеспечивает состояние определенности и устроенности в жизни.

В китайском фразеологизме *房顶上不会掉肉包子* ‘нельзя из ниоткуда получить результат; достижения не спускаются с небес, нужно усердно стараться’ (букв. ‘с крыши не падают мясные пирожки’) компонент *房顶* отсылает к мифологическим представлениям о благодати неба. Поговорка воспринимается на фоне культурных установок, связанных с необходимостью труда как целенаправленной деятельности, требующей от человека больших усилий и стараний.

Образ крыши в интерпретации качеств и деятельности человека. Фразеологизмы русского языка восходят к анимистическому восприятию, одушевляющему, в частности, конструктивные элементы строений неживое одушевляется и олицетворяет живое. В образе ФЕ *Крышей покрыто, да потолка нет* крыша метафорически обозначает голову, а потолок – человеческий разум. Образ данного фразеологизма, передающего представления о глупом человеке, отражает также и древнейшее отождествление части и целого: голова метонимически замещает самого человека в осуществлении им интеллектуальной деятельности.

¹ В сборнике В. И. Даля поговорка представлена в рубрике «Родина – чужбина» [15, с. 318].

Следующий фразеологизм *как с крыши свалился* включает значения верха и отдаленности. В народных представлениях дом копирует модель мироздания: «четыре стороны дома обращены к четырем сторонам света, а три уровня по вертикали соответствуют трем уровням вселенной. Фундамент (подвал), сруб, крыша соответствуют преисподней, земле, небу» [16, с. 9]. Аналогичную семантику имеют фразеологизмы *с луны/неба свалиться*, где компоненты *небо* и *луна* символизируют отдаленность, отстраненность от привычного мира людей, неосведомленность в известных всем обстоятельствах. Образ фразеологизма основан на метафоре иного пространства: инаковость человека является причиной непонимания происходящего вокруг.

Компонент «крыша» в составе фразеологизмов русского и белорусского языков ассоциируется с психическим состоянием человека: *крыша едет/поехала* (*переехала, съезжает/съехала, ползет, течет/потекла, протекла*); *крыша едет, дом стоит у кого*; *крыша не в порядке у кого*; *крыша стой*; *дах паехаў* (*страха паехала, едзе*). Образ фразеологизма в целом создается метафорой, основанной на уподоблении рассудка человека (головы) верху дома (крыше); нарушение целостности крыши символизирует нарушение психофизического состояния человека. Ср. противоположный по значению фразеологизм: *поставить крышу (кому)* ‘вывести кого-л. из состояния психического расстройства, вернуть к нормальному состоянию’.

Следующая группа фразеологизмов русского языка отображает стереотипные представления об эмоциональном поведении. Ср. поговорку *снести крышу (кому)* ‘произвести сильное впечатление, свести с ума кого-л.’. *Крыша* как элемент архитектурного кода взаимодействует с компонентом *снести*, обозначающим разрушение или удаление чего-л., и принадлежащим к акциональному коду культуры. Образ фразеологизма содержит метафору, уподобляющую сильное эмоциональное и физическое возбуждение, вызванное удивлением, изумлением или потрясением, сломанной крыше.

Ассоциативная связь «крыша – голова (ум) человека» прослеживается во фразеологизмах, характеризующих эмоциональное состояние злости: *рыть с крыши солому* ‘находиться в состоянии крайнего возбуждения, злобы’; *рвать крышу* ‘сердиться, злиться’.

Поговорка *Ростом до крыши, а трусливее мыши* отражает соотношение роста человека с высотой дома (*до крыши*). Образ фразеологизма поддерживается эффектом неоправданного ожидания: компонент *крыша* выступает эталоном высокого роста человека, что подразумевает силу и уверенность, в противоположность этому компонент *мышь*, соотносящийся с зооморфным кодом культуры, выступает как эталон трусости.

В китайском фразеологизме *仰屋窃叹* ‘сложное положение, беспомощный вид’ (букв. ‘смотреть вверх на крышу и украдкой вздыхать’) компонент *屋* ‘крыша’ используется для характеристики растерянного и удрученного человека. Ср. взаимодействие архитектурного и зооморфного кодов в русской ФЕ, в которой образ крыши выступает как место уединения: *приунуть как воробей на крыше (на крыше воробей)* ‘о погрузневшем человеке’.

Социальный статус и уровень благосостояния человека. Добротность крыши – один из критериев при оценке жилища и гарантия семейного благополучия. В китайской фразеологической картине мира внешним видом и качеством крыши определяется оценка жилища в целом: *茅屋采椽* ‘убогое жилье’ (букв. ‘соломенная крыша, дубовые стропила’); *穷阎漏屋* ‘захолустные улицы и переулки, убогий дом’ (букв. ‘глухое место, протекающая крыша’); *土阶茅屋* ‘убогое жилище; жить скромной жизнью или в бедности’ (букв. ‘земляные ступени, соломенная крыша’). В некоторых китайских фразеологизмах отражена идея происхождения талантливого и достойного человека из бедной семьи: *白屋出公卿* ‘многие из высокопоставленных были выходцами из простых семей, богатство и знатность не всегда приобретаются по рождению’ (букв. ‘из хижин с соломенной крышей рождаются гуны и цины’).

В русском и белорусском языковом сознании благополучие дома непосредственно зависит от качеств его хозяина. В паремиях двух языков образ протекающей крыши позволяет негативно оценить нерадивого хозяина: *у ленивого и крыша течет, и печь не печет; у гультая і страха цячэ, і печ не пячэ*. С крышей также ассоциируется высокое социальное положение человека: *крыша с крышей* ‘о людях, равных по положению в обществе, по состоятельности’. В образе фразеологизма лежит метафора, уподобляющая старших по положению людей верхнему пределу в структуре дома (т. е. крыше).

Крыша в образной интерпретации трудных ситуаций и угроз благополучию человека. Основная функция крыши – защита строения и его обитателей от непогоды. В китайском языковом сознании образ протекающей крыши ассоциируется с бедой: *屋漏更遭连夜雨, 船迟又遇打头风* ‘беды и несчастья непрерывно следуют друг за другом’ (букв. ‘[если] крыша протекает, дождь будет идти всю ночь; лодка промедлит, будет встречный ветер’); *屋漏又遭连阴雨* ‘непрерывно попадать в беду, ухудшение обстановки’ (букв. ‘крыша протекает, да еще и затяжной дождь’).

Образ крыши в кодировании представлений об взаимоотношениях и взаимодействии людей. В русском и белорусском языковом сознании крыша выступает в качестве объединяющего начала, фразеологизмы

с данным компонентом отражают совместность проживания в доме, символизируют близость домочадцев: *жить под одной крышей; пад адным дахам (пад адной страхой) жыць (пражыць)*. В русском языке актуализируется и идея о том, что у каждой семьи свой мир и образ жизни, свои привычки, особенности и проблемы: *Под каждой крышей свои мысли*.

Символическое значение крыши, которая выполняет функцию защиты от внешнего воздействия, иллюстрируется паремией: *держат крышу 'брать под свою защиту кого-л.'*. Образ фразеологизма *принимать/принять под свою крышу (кого)* создается пространственной метафорой, в которой защищенность человека уподобляется нахождению под крышей. Принятие под свою крышу символизирует покровительство.

Речевое общение также может характеризоваться через образ крыши, символизирующей сознание, разум другого человека, что отражается в русской поговорке *чистить крышу* 'объяснять, разъяснять кому-л. что-л.'

Китайский фразеологизм *屋漏在上, 知者在下* 'ошибки начальства и руководителей, больше всего отражаются на подчиненных' (букв. 'крыша протекает сверху, те, кто ощущает, снизу') описывает негативное влияние поступков руководителей на подчиненных. В образе фразеологизма архитектурный код сочетается с пространственным, одним из базовых противопоставлений которого является оппозиция «верх – низ»: обладающие властью находятся «вверху» (крыша), подчиненные – «внизу».

Подводя итоги анализа фразеологических единиц, соотносимых с архитектурным кодом культуры, отметим следующие общие и культурно-специфические значения единицы *крыша*. В трех лингвокультурах *крыша* синонимизируется с *небом*, метонимически замещает *дом*. Национальной специфичностью обладают фразеологизмы русского и белорусского языков, в которых запечатлено анимистическое восприятие крыши как головы и разума человека. Для китайских фразеологизмов, внутренняя форма которых опирается на образ крыши, актуальна семантика оценки социального статуса человека и трудных ситуаций, в которые он попадает.

Библиографические ссылки

1. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2016.
2. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост. : А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. М. : Флинта : Наука, 2004.
3. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.
4. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М. : Олма Медиа Групп, 2007.
5. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.

6. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. / склад. І. Я. Лепешаў. Мінск : БелЭн. Т. 1 : А–Л. 2008.
7. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. / склад. І. Я. Лепешаў. Мінск : БелЭн. Т. 2 : М–Я. 2008.
8. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якаліцэвіч. Гродна : ГрДУ, 2011.
9. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / рэдкал.: А. С. Фядосік (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : Навука і тэхніка, 1976.
10. 中华成语辞海 / 编委会主任陈霞村. 长沙: 湖南教育出版社, 2013. 页. (Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. Чанша : Изд-во «Просвещение Хунань», 2013).
11. 谚语大词典 / 高歌东主编. 2版. 成都: 四川辞书出版社, 2022. (Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. 2-е изд. Чэнду : Изд-во словарей Сычуань, 2022).
12. 汉语惯用语词典 / 黄斌宏主编. 北京 : 商务印书馆国际有限公司, 2009. (Словарь привычных выражений китайского языка / гл. ред. Хуан Биньхун. Пекин : ООО Между-народ. коммер. изд-во, 2009).
13. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / Российская академия наук, институт славяноведения и балканистики. Т. 3 : К–П, 2004.
14. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.–СПб. : РИПОЛ-Норинт, 2008.
15. Пословицы, поговорки и присловья русского народа / В. И. Даль. М. : Эксмо, 2008.
16. Авдеева С. М. Символика русского дома : пособие для учителя. Чита : Палитра, 2013.

ВЬЕТНАМСКО-РУССКИЕ УРБАНОНИМИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

И. Э. Ратникова¹⁾, Хоанг Тхи Бен²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ratnikova@list.ru*

*²⁾Институт внешней торговли Ханоя,
91 phố Chùa Láng, Đống Đa, Hà Nội, Việt Nam, Hoangben2010@ftu.edu.vn*

В статье рассматриваются урбанонимы – собственные наименования внутригородских объектов во вьетнамской и белорусской (русскоязычной) культурах. Продемонстрированы национально-культурные различия и некоторые типологические сходства мотивов номинации внутригородских локаций Минска и Ханоя, показана зависимость номинаций улиц, площадей, парков, скверов (годонимов и агоронимов) от культурных, социальных и историко-политических факторов.

Ключевые слова: урбанонимы; годонимы; мотивы номинации; ономастическое пространство; язык; культура.

Введение. Изыскания в области внутригородского ономастикона, с одной стороны, реализуют актуальное направление в теории имени собственного, а с другой – отражают растущий интерес к «лингвистическому портрету» современного города (данное понятие, судя по контекстам его употребления, охватывает весь круг номинативных единиц вкупе с осо-